
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.В. ВИЛЕНСКИЙ

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник,
заведующий сектором региональной экономики и местного
самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: МИРОВОЙ ОПЫТ

В работе показано, что эволюция внутринациональной региональной экономической политики в зарубежных странах с рыночной экономикой (прежде всего во Франции, Великобритании и США) и ее теоретических основ шла постепенно, поэтапно – от простого к сложному. Первоначально считалось, что рыночные отношения, конкуренция между субъектами хозяйствования сами обеспечат должное развитие регионов страны. Ситуация изменилась кардинальным образом в ходе мировой «Великой депрессии» конца 1920-х годов благодаря переходу к региональной государственной экономической политике в странах с рыночной экономикой на основе кейнсианства. К настоящему времени в ведущих зарубежных странах сформировались контуры современной модели внутринациональной региональной экономической политики, которая более всего подчинена требованиям прагматизма, основанного на неолиберальных и неoinституциональных подходах.

Ключевые слова: политика регионального развития, рыночные механизмы, кейнсианство, полюса роста, неолиберализм.

УДК: 332.01, 332.02, 332.1, 338.2

EDN: BNTLVS

DOI: 10.52180/2073–6487_2026_3_116_132

Введение

Государственная внутринациональная региональная экономическая политика играет важную роль в обеспечении социально-экономического развития любой, и особенно крупной страны. Более того, она всегда была важнейшим направлением государственного строительства, обеспечивающего территориальное единство страны. Ее содержание и история изучаются многими исследователями как в нашей стране, так и за рубежом [1; 2; 3], однако при этом прак-

тические аспекты рассматриваются обычно в отрыве от теории, так или иначе лежащей в ее основе. Чаще всего исследователи ограничиваются выявлением связи между фрагментарными теориями регионального развития (например, точек роста) и государственной региональной политикой. Паттерн сложился так, что само появление региональной экономической политики в странах с рыночной экономикой обычно связывается с событиями по поддержке регионов в США, наиболее пострадавших от Великой депрессии конца 1920-х годов [10, с. 42–70]. В нашем исследовании предполагается выйти за рамки такого трафаретного подхода и попытаться выявить этапы развития региональной экономической политики со времени ее реального появления, рассматривая этот процесс в контексте ее взаимосвязи с развитием экономической теории. Попытаемся показать, как региональная политика в последние десятилетия стала преобразовываться в пространственную политику с ее тяготением, в отличие от традиционной региональной политики, к неолиберализму и неoinституционализму¹.

Появление и начало эволюции региональной экономической политики

Первый и наиболее длительный из этапов эволюции региональной экономической политики – это период ее существования в качестве не самого важного элемента внутринациональной политики по обеспечению казначейских доходов государства в эпоху становления капитализма, во многом сохранившихся со времен феодализма, с централизованными и локальными местными податями (городской налог, подать за проезд через мост и т. п.).

¹ Пространственная экономическая политика, в сопоставлении с традиционной региональной, имеет на порядок больше целей и задач. В первую очередь она нацелена на решение социальных проблем. Кардинально расширился набор методов и инструментов ее реализации. Проблема размещения производительных ресурсов хотя и играет в ней важную роль, но по отношению к социальным целям она оказывается второстепенной. Отметим также, что понятие «пространственная экономика» вошло в научный оборот во второй половине XIX в. благодаря германским географам А. Геттнеру, К. Риттеру и их последователям. Сложилось так, что под пространственной экономикой (экономикой пространства) понимается все, что имеет отношение к экономике и социальной сфере (включая население, здания и сооружения, инфраструктуру и т. п., организацию хозяйственной деятельности с ее агентами, механизмы государственного и муниципального управления и регулирования, элементы качества жизни и т. д.) на определенной ограниченной территории (подробнее см.: Виленский А.В. Единство национального экономического пространства и преференциальные экономические зоны // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 5. С. 46–64).

Сама государственная внутринациональная экономическая политика появляется вместе с зарождением капитализма. Так, в Великобритании в XVI–XVII вв. государственная политика «огораживания», то есть инициированной лендлордами по ценовым соображениям масштабной ликвидации общинных посевных земель и выселения массы крестьян (вилланов) с них ради расширения пастбищ для овец, осуществлялась по всей стране. Но она шла с отчетливо выраженной разной скоростью в ее разных регионах. В рамках этой политики государством принимались законы по борьбе с возникшим тогда массовым бродяжничеством, включая повешение за бродяжничество, принудительное прикрепление бродяг к работе на частных мануфактурах на рабских условиях, создание при церковных приходах работных домов (workhouses) с теми же рабскими условиями принудительного труда. При этом политика «огораживания» наиболее активно реализовывалась в графствах на Юге, Юго-Востоке и Центре Англии, а в наиболее радикальных и жестких формах – в Шотландии [4, с. 10–38].

Политика «огораживания» завершила период феодализма в Великобритании и открыла широкие возможности для становления имперского капитализма в этой стране с его государственной экономической политикой. Аналогичным образом стала выстраиваться внутренняя государственная экономическая политика во всех странах, переходящих от феодализма к капитализму. Отметим, что в то время государственная внутренняя экономическая политика в капиталистических странах не отличалась большим разнообразием как в отношении страны в целом, так и в отношении внутренних регионов.

Вся эта политика на первых порах строилась на принципах меркантилизма (Т. Ман [5], С. Ж. Батист [6, с. 110–118] с его положениями о небольшом государственном участии в экономических процессах (регулирование торговли, протекционизм в позднем меркантилизме), сдерживание оттока капитала из страны, минимальная поддержка промышленности). Именно меркантилизм изначально лег в основу внутринациональной региональной политики.

С конца XVIII века меркантилизм стал оттесняться положениями появившейся классической политэкономии (А. Смит [7], Ф. Рикардо [8]), либеральной по своей сути. Классическая политэкономия предполагала совсем минимальное, преимущественно косвенное вмешательство государства в экономические процессы, делая упор на саморегулирование рынка. Главная функция государства – защита прав собственности, безопасность людей, создание рыночной инфраструктуры в тех случаях, когда с ее формированием и функционированием не могут справиться частные субъекты хозяйствования. Положения классической политэкономии стали считаться незыблемыми. При этом в капиталистических странах реализовывались разные, в том

числе крупные внутринациональные межрегиональные государственные проекты. Примером таковых в России являются проекты строительства Царскосельской и Московско-Петербургской железных дорог, стимулирования развития горной промышленности на Урале и Юге страны, развития нефтедобычи.

Региональная экономическая политика кейнсианского типа: опыт США, Великобритании, Франции

Следующий этап государственной внутринациональной региональной политики был порожден мировой Великой депрессией конца 1920-х – начала 1930-х годов как реакция на замену свободной конкуренции иррациональным для национального хозяйства диктатом появившихся монополий, крупных корпораций и банков. Необходимость противодействия этому диктату привела к кардинальному пересмотру роли государства во внутринациональном экономическом развитии, в результате чего и возникло кейнсианство (Дж. Кейнс [9] и его последователи), отодвинувшее в сторону прежние классические подходы к рыночной экономике. Основополагающий тезис Дж. Кейнса и всего кейнсианства сводится к тому, что рыночная экономика требует постоянного государственного вмешательства в ее процессы, – сама она не способна к рациональному саморегулированию. Великая депрессия конца 1920-х годов это наглядно показала и доказала. Основная цель государственного вмешательства в экономику – это всяческое стимулирование спроса (от роста госрасходов, снижения налогов, бюджетного дефицита до поддержания безработицы на приемлемом уровне).

Вместе с кейнсианской политикой государственного вмешательства в экономику стала формироваться и принципиально новая региональная экономическая политика. То, что в развитии регионов страны раньше считалось естественным проявлением рыночного саморегулирования или последствием этого саморегулирования, в определенной мере было поставлено под контроль государства, причем этот контроль на порядок стал более существенным. Речь шла в первую очередь о слабых регионах, экономика которых длительно нуждалась в поддержке вследствие отсутствия ресурсов, слабости инфраструктуры, удаленности. Причем нуждалась она в государственной поддержке в связи с тем, что отсталый регион являлся составной частью единой территории страны с ее единым национальным хозяйством. Впервые возникла цель уменьшения межрегиональных диспропорций, в первую очередь по социальным параметрам. На многие десятилетия эта цель стала главной для региональной политики.

В США в 1930-е годы региональная политика получила статус части «Нового курса» (New Deal), провозглашенного президентом

Ф. Рузвельтом. В рамках Нового курса она стала рассматриваться как элемент общей экономической политики реализации крупных инфраструктурных проектов, поддержки сельского хозяйства, борьбы с бедностью.

Отметим, что поддержка отдельных регионов США наблюдалась и до этого, но в Новом курсе стимулирование развития отсталых регионов ради межтерриториального социально-экономического выравнивания приобрело значение составной части государственной экономической политики, сначала как один из механизмов преодоления последствий Великой депрессии.

В рамках Нового курса 18 мая 1933 г. был запущен крупный межрегиональный проект с участием государства – «Администрация долины Теннесси (TVA, Tennessee Valley Authority)» [10 с. 42-70], которая функционирует и в настоящее время. Она изначально охватывала отсталые, сильно пострадавшие от кризиса штаты Юго-Востока страны: части Алабамы, Вирджинии, Джорджии, Кентукки, Миссисипи, Северной Каролины и Теннесси. Основное направление ее работы сводилось к формированию новой инфраструктуры – строительства плотин для гидроэлектростанций и самих гидроэлектростанций. Тем самым экономика и социальная сфера на близлежащих территориях обеспечивалась дешевой и доступной электроэнергией, что само по себе призвано было обеспечивать ускоренное социально-экономическое развитие этих территорий. Новые плотины использовались также для борьбы с характерными для вышеперечисленных регионов наводнениями [11].

Администрация вкладывала государственные деньги в землепользование, в аграрную сферу и в промышленность. На льготных условиях выделялись земельные площадки под строительство новых предприятий, средства и технологическая помощь на поддержку перспективных предприятий и малого бизнеса. При этом в качестве результата стимулирующей деятельности Администрации рассматривалось привлечение в проекты частного капитала, то есть государственно-частное партнерство рассматривалось как цель и одновременно как механизм, инструмент самой Администрации.

Обратим внимание на то, что деятельность Администрации в течение многих десятилетий не обеспечила полного процветания вышеперечисленных штатов. Большинство из них, несмотря на выделяемые государственные средства и организационные усилия, оставались наименее развитыми территориями США с высокой безработицей, бедностью, преступностью [12]. Но наверняка ситуация с ними была бы еще хуже, если бы не деятельность Администрации. Она обеспечивает единство социально-экономического пространства страны, единство ее территории, снижение социальных конфликтов, противоречий. В этом ее главная заслуга.

Также чрезвычайно существенно и то, что на большинство мер Нового курса накладывалась впервые начатая в США практика государственного планирования, которая стала реализовываться в значительной степени под влиянием планирования в СССР. В планах обозначались цели, методы реализации и ожидаемые результаты от принимаемых мер. Налицо был отход от прежнего упования на рыночное саморегулирование в сторону активного государственного вмешательства, интервенций в социальные и экономические процессы. Сам Новый курс был социально-экономической государственной программой [13].

В Великобритании в 1934 г. впервые был принят закон о специальных районах (Special Areas Act²). В нем речь шла о необходимости возрождения старых промышленных регионов (Север Англии, Уэльс, Шотландия), занимавшихся производством угля, стали и судостроением в условиях Великой депрессии. Ради их оживления, противодействия росту безработицы (достигшей в них очень больших размеров) закон создал механизмы оказания финансовой помощи, стимулирования создания новых фирм и новых рабочих мест, выдачи льготных кредитов для поддержания имеющихся и создания новых производств. Причем акцент в законе был сделан преимущественно на косвенных мерах государственного вмешательства в экономику и социальную сферу. Можно констатировать, что тем самым в Великобритании были заложены основы прокейнсианской региональной политики снижения межрегиональных диспропорций, прежде всего в социальной сфере.

В 1940–1960-е годы правительство Великобритании брало на себя функции стимулирования создания рабочих мест в регионах, перемещения предприятий из крупных городов (в первую очередь из Лондона) в слабые, депрессивные регионы. Создавались Специальные экономические зоны, на которые распространялись дополнительные государственные меры стимулирования их социально-экономического развития.

Региональная политика во Франции в 1930-х годах в значительной степени была менее выражена, чем в США и Великобритании. И это в условиях осуществления в этой стране активной государственной социальной политики просоциалистического типа! Но в те годы унитарное французское государство региональную политику считало для себя не главной, а второстепенной проблемой. Реальная региональная политика Франции в полном виде появилась уже в послевоенный

² Special Areas (Development and Improvement) Act, 1934. <https://vlex.co.uk/vid/special-areas-development-and-861249885>

период вместе с экономической политикой дирижизма³ президента Шарля де Голля. В 1963 г. была создана «Межминистерская делегация по обустройству территории и региональной привлекательности (DATAR)» для поддержки депрессивных регионов, в том числе через координацию государственных инвестиций.

Важнейшим элементом региональной составляющей французского дирижизма стало противодействие происходящему тогда превращению Парижа в абсолютного экономического доминанта страны. Парижу было противопоставлено восемь крупных французских городов (Лион, Марсель, Лилль, Бордо, Тулуза, Нант, Страсбург и Монпелье), и для каждого из них были разработаны меры государственного стимулирования процессов формирования их инфраструктуры, социально-экономического развития, превращения их в крупные хабы. В отношении менее развитых, отдаленных от Парижа регионов страны было намечено строительство дорожной инфраструктуры и расширение каналов связи. Предпринимались меры по стимулированию производственной деятельности в депрессивных регионах, причем на основе планирования и реализации целевых программ.

Таким образом, и во Франции центральной целью внутренней региональной политики было сглаживание межрегиональных диспропорций, снижение разрыва уровней социально-экономического развития между регионами страны, прежде всего социального разрыва. Именно в послевоенной Франции, в значительной мере как социальный заказ, как заказ со стороны власти, появилась теория «полюсов роста» (фр. *rôles de croissance*), которая затем на много лет была положена в основу региональной политики. Центральное место в ней заняло государственное регулирование развития регионов, включая планирование. Основные положения этой теории были еще в середине 1950-х годов заложены известным французским экономистом-исследователем Франсуа Перру [14; 15]. Он исходил из того, что предприятия перспективных, быстро растущих отраслей образуют доминирующие полюса, привлекающие к себе другие предприятия и других субъектов хозяйствования. Между всеми ними идет взаимное экономическое сотрудничество, кооперация, интеграция, что оказывает значительное позитивное воздействие на их развитие. Под перспективными отраслями подразумевались технологически про-

³ Под французским дирижизмом понимается активный интервенционализм государства в экономические и социальные процессы. Государство берет на себя функции масштабного управления экономикой, остающейся рыночной, преимущественно частной. В национальном хозяйстве страны создается большой государственный сектор. Дирижизм основан на идеях кейнсианства. К политике дирижизма в послевоенный период прибегала не только Франция, но и Япония, Южная Корея, Тайвань, причем весьма высоко успешно.

двинутые, инновационные отрасли. Исходной точкой его теории были именно успешно работающие предприятия. Заметим, что к 1950-м годам уже получила широкое распространение теория предпринимательства Й. Шумпетера, с его пониманием важности инноваций для ускоренного экономического развития [16]. Теория «полюсов роста» опиралась именно на подходы Й. Шумпетера к инновациям.

Начав с отраслевых проблем деятельности доминирующих предприятий, Ф. Перру в дальнейшем сконцентрировался на территориальных проблемах. Очевидно, что тяготение к доминирующим предприятиям прочих субъектов хозяйствования происходит на определенной территории. Заметим, что территории Ф. Перру понимал как поля притяжения успешных предприятий и тяготеющих к ним других субъектов хозяйствования, причем в широком и разнообразном понимании понятия «поле». Особое внимание Ф. Перру при этом уделил агломерациям. На территории региона, страны в соответствии с воззрениями Ф. Перру в целом образовывается территориальный каркас из «полюсов роста». При этом «полюса роста» сотрудничают, кооперируются, взаимодополняют друг друга.

В русле французского дирижизма Ф. Перру возлагал на государство функции нахождения и реализации национальных интересов через сотрудничество органов власти с крупным монополистическим капиталом, через значительный государственный сектор в экономике страны. Он всецело стоял на кейнсианских позициях, идя дальше и отрицая саму возможность свободной конкуренции в современной глубоко несбалансированной монополистической экономике. Государство же должно обеспечивать решение социальных проблем, прежде всего острых проблем социального неравенства. Конечно, все это необходимо осуществлять с учетом специфики конкретных территорий страны, с учетом межрегиональных диспропорций, стремясь при этом к их снижению, насколько это возможно.

Исследованиями проблем территориальной привязки «полюсов роста» с констатацией неизбежности диспропорций в развитии внутренних регионов страны усиленно занимались такие французские ученые-экономисты, как Ж. Будвилль [17], П. Потье [18], Х.Р. Ласуэна [19]. В их работах подробно рассматривались возможности агломераций, отдельных регионов как точек роста, подробно анализировались проблемы межрегиональных осей коммуникаций (осей развития) и их роли в появлении и развитии инновационных производств. Стал активно использоваться термин «кластеры» в приложении к полюсам (центрам, точкам) роста. Под «полюсом роста» со всей определенностью стала пониматься та или иная территория, ускоренное социально-экономическое развитие которой могло бы способствовать развитию соседних территорий за счет синергетических мультипликативных эффектов.

Тема «полюсов роста» была подхвачена по всему миру и учеными-исследователями и управленцами-практиками. Так, финансируемые, стимулируемые государством территории – «полюса роста» в 1950-е годы были созданы еще в Италии и Испании [20]. «Полюса роста» создавались в Великобритании и Бельгии. При этом их назначение дифференцировалось исходя из разных типов территорий: активно развивающиеся; депрессивные или осваиваемые. На территориях разных типов к «полюсам роста» применялись разные методы и инструменты экономической политики.

В то время в региональной политике рыночных стран сложился относительно устойчивый набор мер, инструментов ее проведения. В их числе – прямое (административное) воздействие через госзаказы, государственно-частное партнерство, инвестиции, дотации и субсидии, а также косвенные экономические стимулы – налоговые и амортизационные льготы, процентные субсидии, займы и создание производственной и социальной инфраструктуры, административные регламенты. Важное место в региональной экономической политике заняло регулирование миграции, как внутренней, так и внешней. Использовались программно-целевые подходы, балансовые и нормативные инструменты экономического программирования.

Считалось, что «полюса роста (центры, точки и т. п.) благодаря активной хозяйственной деятельности в них будут вести за собой прочие территории и регионы страны. К середине 1970-х годов выяснилось, что это не так. Вкладываемые государством средства, льготы и т. п. не давали должной отдачи. Межрегиональные диспропорции не только не сглаживались, но и нарастали вследствие концентрации капитала и квалифицированной рабочей силы в «полюсах роста» за счет их оттока из менее развитых регионов страны. Слабых, требующих государственной помощи регионов становилось только больше.

Региональная прокейнсианская политика с активным участием государства в региональном развитии оказалась подорванной (вместе со всей кейнсианской экономической политикой развитых стран с региональной экономикой) мировым топливно-энергетическим кризисом 1970-х годов. Этот кризис, а также и крупные технологические подвижки, переход к развитию постиндустриального типа с опорой на информационные ресурсы, на экономику знаний сделали неэффективными меры государственного экономического управления и регулирования, которые до этого десятилетиями работали с хорошим результатом. В новых условиях государство оказалось не способным успевать за быстрыми изменениями в экономике страны. Как следствие, в экономической национальной и региональной политике произошел возврат к ориентации на рыночное саморегулирование, к либерализму в его новых трактовках.

Неолиберальная региональная экономическая политика

К началу 1980-х годов неолиберализм уже накопил достаточно обширный теоретический задел. Возник неолиберализм еще в 1930-е годы как альтернатива – оппозиция кейнсианству – основе сложившейся тогда государственной экономической политики, а также и как альтернатива советскому марксизму-ленинизму с приоритетом плановых методов хозяйствования в экономике. Неолиберализм связан с такими крупными именами в экономической науке, как Ф.А. Хаек [21; 22], Л.Ф. Мизес [23], и М. Фридман [24], Р. Коуз [25]. В отношении позиции государства неолиберализм стоял на принципе *Laissez-faire*, т. е. невмешательства, родившемся еще до либеральной классической экономической теории, сделавшей его своим теоретическим фундаментом. Но все же неолиберализм не отрицал необходимость выполнения государством определенных функций по экономическому регулированию, причем на порядок больший, чем классический либерализм. С середины 1970-х годов неолиберализм Чикагской школы отказался от полного отрицания кейнсианства и неокейнсианства. Отличия неокейнсианства от неолиберализма сводилось и сводится к разным наборам мер государственного регулирования и управления в экономике и в социальной сфере. При этом неолиберализм изначально сделал упор на государственное финансовое регулирование, на монетаризм. Важным элементом неолиберализма стала экономика предложения.

В экономическую политику стран с рыночной экономикой неолиберализм в полной мере вошел в 1980-е годы. Его элементы наблюдались в экономической политике Чили середины 1970-х годов при А. Пиночете, в значительной мере навязанной этой стране со стороны США в порядке эксперимента. В конце 1970-х годов, при президенте Р. Никсоне, неолиберализм стал внедряться в США, а в 1980-х годах его стало реализовывать консервативное правительство М. Тетчер в Великобритании. Тогда же он лег в основу экономической политики большинства западных стран и Японии. И остался в ней на десятилетия.

Минимизация роли государства в развитии внутренних регионов уже тогда, на начальном подэтапе перехода к неолиберальной политике, приобрела всеобщий характер. Стали проявляться элементы дерегулирования в государственном управлении, снижались налоги, была сделана ставка на кумулятивное развитие регионов и децентрализацию. Но главным в региональной неолиберальной экономической политике был упор на межрегиональную конкурентную борьбу между территориями за привлечение частных инвестиций в рамках свободной конкуренции. Стало считаться, что формируемая в стране и в ее регионах хорошая предпринимательская и инвестиционная

среда, значительно активизируя частную предпринимательскую деятельность, обеспечат ускоренное социально-экономическое развитие каждого из регионов. Активная деятельность хозяйствующих субъектов принесет казне и регионам больше налогов, больше финансовых поступлений, нежели высокие ставки налогов, мешающие активной хозяйственной деятельности. А излишнее перераспределение налоговых поступлений в пользу слабых порождает паразитизм. Налоговые и прочие поступления от хозяйственной деятельности призваны обеспечить реализацию мер государства по еще большему улучшению предпринимательского климата, по повышению качества социально-экономического развития и по решению острых социальных проблем, причем во все большем их многообразии.

Как следствие, в Великобритании еще в 1980-е годы были ликвидированы вышеупомянутые Специальные экономические зоны. Центральное правительство перестало выдавать гранты на развитие депрессивных регионов. Резко снизились расходы на региональную политику. В основу неолиберальной экономической политики была положена нацеленность на стимулирование конкурентоспособности предприятий, расположенных на разных территориях, стимулирование саморазвития территорий, нахождения ими собственных резервов для ускоренного развития, содействие развитию местной промышленности как альтернативе привлечения внешних инвестиций и т. п. Был ликвидирован государственный контроль за размещением предприятий по территориям. Было снижено внимание к социальным проблемам исходя из того, что активизация вовлечения широких слоев населения в малое и среднее предпринимательство в наилучшей мере их решит. При этом, однако, государство стало вкладывать больше денег в подготовку региональных управленческих кадров, в повышение их компетенций, их управленческой культуры в условиях неолиберальной политики.

Уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов в Великобритании активизировалась деятельность агентств регионального развития, занятых привлечением инвестиций, улучшением предпринимательского климата на своей территории. Основной акцент в региональной политике стал делаться на стимулировании повышения конкурентоспособности предприятий как в отраслевом, так и в региональном разрезах. Нарастание протестных движений в стране из-за свертывания социальных программ вызвало в 1990-е годы большее внимание правительства к решению социальных проблем в регионах страны, к снижению разрывов в уровнях жизни населения в развитых и отсталых регионах, чем оно уделяло им раньше.

В региональное управление США неолиберализм принес замену традиционных локальных программ штатов по привлечению инвес-

тий и созданию новых рабочих мест на предпринимательские программы. Целью таких программ были: активизация инновационной деятельности, кумулятивное развитие регионов, стимулирование их конкурентоспособности, в том числе посредством формирования и распространения кластеров нового типа. Этот новый тип кластеров стал в значительной мере опираться на теоретические разработки М. Портера, обосновавшего их преимущества в виде снижения издержек за счет более близких расстояний между производителями и потребителями производимой продукции, экономии на масштабах хозяйственной деятельности, а главное, благодаря формированию в кластерах высокоэффективного информационного поля и общей инновационной нацеленности [26; 27].

В начале 2000-х годов, особенно после мирового кризиса 2008–2009 гг. (Great Recession), стало увеличиваться вмешательство государства в рыночные процессы развития регионов, при этом монетарный подход был сохранен. Начался новый подэтап неолиберальной экономической политики с ее региональной составляющей. *К настоящему времени сформировались контуры современной модели региональной экономической политики, которая все чаще определяется как пространственная. Ее элементы крайне разнообразны. Более всего она подчинена требованиям прагматизма, основанного на неолиберальных и неинституциональных подходах.* Намного более обширным, чем было раньше, стало содержание государственных мер по содействию процессам формирования предпринимательской среды в регионах. Больше внимания стало уделяться повышению качества человеческого капитала рабочей силы в регионах, качеству услуг для населения, развитию инфраструктуры, сотрудничеству частных и государственных структур, муниципалитетов, начиная с выработки управленческих решений, максимально возможному привлечению гражданского общества к выработке и реализации таких решений в условиях активной политической конкуренции в стране.

К модифицированным вышеизложенным направлениям и инструментам региональной политики, сложившимся еще в кейнсианский период, добавились такие, как экология, культура, информационный обмен, развитие туризма, обеспечение конкурентоспособности регионов в международных экономических отношениях, содействие сотрудничеству между регионами. Межрегиональное сотрудничество приобрело особое значение в условиях как практического, так и теоретического продвижения к пониманию и реализации того факта, что в нынешних условиях такое сотрудничество, кооперация может дать больший положительный эффект для социально-экономического развития как каждого из регионов, так и страны в целом, нежели обычная конкуренция. Сотрудничество в достижении общих целей порождает

позитивный синергетический эффект, раскрывает дополнительные возможности для инновационной деятельности, для научно-технологического развития, для реализации крупных проектов с наименьшими издержками, для обмена информацией и знаниями в условиях цифровизации, для обеспечения устойчивого развития. В основу политики стимулирования такого сотрудничества были положены работы А. Бранденбургера и Б. Нейлбаффа из Гарвардской школы по кооперации в бизнесе [28], Ф. Шмиттера по корпоративизму [29, с. 17–20]. Ярким примером такого сотрудничества служит федерализм ФРГ с его кооперацией земель.

Социальная направленность региональной политики не просто усилилась, но стала в определенном смысле ее самоцелью. Решение проблем здравоохранения, жилищной политики, повышение качества жизни были поставлены в центр региональной политики, потеснив при этом задачу межрегионального выравнивания, максимального снижения межрегиональных диспропорций. Главное в межрегиональном выравнивании – это выравнивание уровня жизни населения разных регионов, насколько это возможно в сложившихся условиях с учетом географических и климатических отличий регионов.

Таким образом, региональная политика продолжила свою эволюцию, изменяясь и по формам, и по содержанию. Набор методов и инструментов пространственной политики, по сравнению с региональной, в условиях нынешнего неолиберализма кардинально увеличился, расширился, сконцентрировался на поиске решений социальных проблем.

Заключение

Как показало исследование, в основе целей и направлений современной государственной неолиберальной внутринациональной экономической региональной (пространственной) политики стран с рыночной экономикой лежит повышение качества жизни населения, обеспечение научно-технологического, инновационного развития регионов и роста их конкурентоспособности, а также и страны в целом через активное привлечение гражданского общества к выработке решений в региональной политике. Эта политика, исторически и эволюционно пройдя свой путь, стала сложной. История внутринациональной государственной региональной политики стран с рыночной экономикой насчитывает несколько столетий, в ходе которых можно выделить несколько основных этапов ее эволюции.

Приверженцы региональной политики, появившейся вместе с капитализмом, априори полагали, что рыночные отношения, конкуренция между субъектами хозяйствования сами обеспечат долж-

ное развитие регионов. Простота региональной политики была ярко выражена в ее изначально либеральный период господства классической политической экономии.

Ситуация изменилась кардинальным образом в ходе мировой «Великой депрессии» конца 1920-х годов – с началом проведения государственной экономической региональной политики в рыночных странах на основе теории кейнсианства. Особое внимание при этом было уделено социальным проблемам, государственной поддержке депрессивных регионов, сильно пострадавших в результате «Великой депрессии». Меры по снижению межрегиональных диспропорций были поставлены в центр всей региональной политики. В 1950-е годы возникла, по сути, кейнсианская политика «полюсов роста» с опорой на территории, получающие дополнительную поддержку от государства.

Переориентация экономической политики на положения неолиберальной теории в полной мере сказалась и на государственной региональной политике рыночных стран. Региональная политика стала преобразовываться в полноценно пространственную. Минимизация роли государства в развитии внутренних регионов тогда приобрела всеобщий характер. Дерегулирование, снижение налогов, ставка на кумулятивное развитие, сокращение поддержки слабых регионов с ее социальной составляющей, поощрение сильных регионов, сильных «полюсов, точек роста», кластеров стали ключевым направлением пространственной политики. Главным стал упор на конкурентную борьбу между территориями за привлечение частных инвестиций в рамках свободной конкуренции. Тогда же пришло осознание необходимости выстраивать пространственную политику с учетом того, что полное преодоление межрегиональных диспропорций недостижимо – возможно только их некоторое уменьшение.

На втором, нынешнем подэтапе неолиберальной региональной политики рыночных стран, в полной мере реализовывавшейся после мирового кризиса 2008–2009 гг., эта политика включила в себя большее, чем это было раньше, вмешательство государства в пространственное развитие, в рыночные процессы развития регионов. Для этого подэтапа стало характерным кардинальное усиление ее социальной составляющей. Нацеленность на преодоление межрегиональных диспропорций сохранилась, но отошла на второй план и потеряла свое первостепенное значение.

Внутринациональная пространственная политика современной России изначально реализовывалась и продолжает реализовываться в неолиберальном тренде, и она также заметно отходит от установки на полное устранение межрегиональных диспропорций в качестве своей самоцели. В последнее десятилетие российская пространствен-

ная политика строится на основе теории кумулятивного роста, создания многочисленных дополнительных точек роста в виде опорных населенных пунктов. Таким образом, современная региональная политика в России во многом основывается на мировом опыте и предполагает тесную кооперацию федеральной и региональной власти при решении социально-экономических задач страны. Развернутый анализ экономических аспектов современной российской региональной (пространственной) политики и результаты исследования автор предполагает представить в своей следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова и О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015. [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Realities / edited by A.V. Kuznetsov and O.V. Kuznetsova. Moscow: IMEMO RAS, 2015. (In Russ.).]
2. Новикова Н.В., Кайгородов В.Г. Устойчивое развитие региональной экономики и проблемы межрегионального неравенства: зарубежный опыт // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 11-1. С. 64–79. DOI: 10.34670/AR.2026.86.61.007. [Novikova N.V., Kaigorodov V.G. Sustainable Development of the Regional Economy and the Problems of Interregional Inequality: Foreign Experience // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2025. Vol. 15. No. 11-1. Pp. 64–79. (In Russ.).] DOI: 10.34670/AR.2026.86.61.007.
3. Головлев И.М., Клепинина Д.Р., Гасанов В.Г., Лю Т. Зарубежный опыт формирования институтов развития регионов в аспекте проведения региональной экономической политики (на примере США, стран ЕС, НИС) // В книге: Направления и механизмы повышения эффективности управления развитием организаций, отраслей, регионов: Монография / под общ. ред. В.В. Бондаренко, Т.В. Харитоновой, Е.М. Щербакова, О.А. Павловой. Пенза. 2017. С. 47–58. [Golovlev I.M., Klepinina D.R., Gasanov V.G., Liu T. Foreign Experience in the Formation of Regional Development Institutions in the Aspect of Regional Economic Policy (Based on the Example of the USA, EU Countries, and Newly Industrialized Countries (NIC)), In the Book: Directions and Mechanisms for Improving the Efficiency of Management of Organizations, Industries, and Regions: Monograph / edited by V.V. Bondarenko, T.V. Kharitonova, E.M. Shcherbakov, and O.A. Pavlova. Penza. 2017. Pp. 47–58. (In Russ.).]
4. Винокурова М.В. Некоторые нерешенные проблемы аграрной истории Англии XVI–XVIII веков // Средние века. 2015. № 1–2. С. 9–40. [Vinokurova M.V. Some unresolved problems of the agricultural history of England in the XVI–XVIII centuries // Middle Ages. 2015. No. 1–2. Pp. 9–40. (In Russ.).]
5. Ман Т. Меркантилизм. Рассуждение о торговле Англии с Ост Индией. М.: Директ-Медиа, 2007. [Man T. Mercantilism. A discussion about the trade of England with the East Indies / Moscow: Direct-Media, 2007. (In Russ.).]
6. Слудковская М.А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2016. № 2. С. 107–118. [Sludkovskaya M.A. The Political Economy of Antoine de Moncretien // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics. 2016. No. 2. Pp. 107–118. (In Russ.).]

7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, 2023. [Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations, Moscow: EKSMO, 2023. (In Russ.).]
8. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: ЭКСМО, 2007. [Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. Selected Works. Moscow: EKSMO, 2007 (In Russ.).]
9. Кейнс Д.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: ЭКСМО, 2009. [Keynes D.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow: EKSMO, 2009. (In Russ.).]
10. Мальков В.Л. «Социализм» по-американски. К истории создания Администрации долины реки Теннесси // Россия XXI. 2012. № 5. С. 40–71. [Malkov V.L. "Socialism" in American. Towards the History of the Creation of the Tennessee River Valley Administration // Russia XXI. 2012. No. 5. Pp. 40–71. (In Russ.).]
11. Кораблева В. «Пыльный котел»: экологическая катастрофа 1930-х годов, которая перевернула жизнь США [Korableva V. "The Dusty Cauldron": the environmental disaster of the 1930s that turned the life of the United States upside down (In Russ.).] <https://www.techinsider.ru/history/1637041-pylnyi-kotel-ekologicheskaya-katastrofa-1930-h-godov-kotoryaya-perevernula-jizn-ssha/>
12. What does the Rural Utilities Service (RUS) do? <https://usafacts.org/explainers/what-does-the-us-government-do/subagency/rural-utilities-service/>
13. Leuchtenburg W.E., Franklin D. Roosevelt and the New Deal, 1932–1940. New York: Harper and Row, 1963. (The New American Nation Series).
14. Perroux F. L'économie du XXème siècle // Paris: Presses Universitaires de France, 1961.
15. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Журнал «Пространственная экономика». 2007. № 2. С. 77–93. [Perrou F. Economic space: theory and applications // The Journal of Spatial Economics. 2007. No. 2. Pp. 77–93. (In Russ.).]
16. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: ЭКСМО, 2008. [Schumpeter J.A. The Theory of Economic Development. Capitalism, socialism and Democracy, Moscow: EKSMO, 2008. (In Russ.).]
17. Boudeville J. Problems of regional economic planning // Edinburg: Edinburgh U.P., 1966.
18. Pottier P. Axes de communication et développement économique // Revue économique. 1963. Vol. 14. Pp. 58–132.
19. Lasuén J.R. Urbanization and Development: The Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // Urban Studies. 1973. Vol. 10. Pp. 163–188.
20. Rossi U. Growth poles and growth centers // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. Vol. 4. Pp. 651–656.
21. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. [Hayek F.A. Individualism and Economic Order. Chelyabinsk: Socium, 2011. (In Russ.).]
22. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. [Hayek F.A. The Road to Slavery. Moscow: New Publishing House, 2005. (In Russ.).]
23. Мизес Л.Ф. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность. Право. 1993. [Mises L.F. Bureaucracy. Planned chaos. The Anti-Capitalist Mentality. Pravo. 1993. (In Russ.).]

24. Фридман М. Основы монетаризма. М.: ТЕИС, 2002. [*Friedman M. Fundamentals of Monetarism. Moscow: TEIS, 2002.*](In Russ.).]
25. Козз Р. Фирма, рынок, право. М.: Фонд Либеральная миссия, 2007. [*Kose R. Firm, market, law. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2007.*](In Russ.).]
26. Porter M.E. The Competitive Advantage of Nations: With a New Introduction. N.Y.: The Free Press, 1990. Palgrave Tenth Edition, 1998.
27. Porter M.E. Clusters and the new economics of competitions // Harvard Business Review, Harvard Business School Publication Corp. 1998. Vol. 76. No. 6. Pp. 77–90.
28. Бранденбургер А., Нейлбафф Б. Со-опетition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. М.: Кейс, 2012. [*Brandenburger A., Nailbuff B. Co-opetition. Competitive Cooperation in Business. Moscow: Case Publishing, 2012.*](In Russ.).]
29. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997. № 2. С. 14–22. [*Schmitter F. Neocorporativism // Polis. 1997. No. 2. Pp. 14–22.*](In Russ.).]

Дата поступления рукописи: 03.04.2026 г.

Дата принятия к публикации: 28.05.2026 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Виленский Александр Викторович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий сектором региональной экономики и местного самоуправления ФГБУН Институт экономики РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Vilenskiy – Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Head of the Regional Economy and Local Government Sector, Institute of Economics of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3019-7460
avilenski@mail.ru

EVOLUTION OF THE THEORY AND PRACTICE OF DOMESTIC REGIONAL ECONOMIC POLICY: GLOBAL EXPERIENCE

The paper demonstrates that the evolution of domestic regional economic policy in foreign countries with market economies (primarily in France, the United Kingdom, and the United States) and its theoretical foundations has been gradual, step-by-step – from simple to complex. Initially, it was believed that market relations and competition between business entities would ensure the proper development of the country's regions. The situation changed dramatically during the global Great Depression of the late 1920s, thanks to the transition to regional state economic policy in market economies based on Keynesianism. Today, leading foreign countries have established a modern model of domestic regional policy. This model is primarily driven by pragmatism based on neoliberal and neo-institutional approaches.

Keywords: *regional development policy, market mechanisms, Keynesianism, poles of growth, neo-liberalism.*

JEL: R10, R58.